

Л.Н. ФЕДОСЕЕВА
(Рязань)

КАТЕГОРИЯ ЛОКАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Исследуется участие категории локальности в русской лингвокультуре, рассматриваются различные способы актуализации данной семантики с использованием обширного языкового материала. При этом выявляется связь категории локальности с другими функционально-семантическими категориями, делается вывод о месте категории локальности в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: категория, локальность, русский, языковая картина мира, лингвокультура.

В формировании национального самосознания каждого народа освоение и осмысление пространства играет, несомненно, важную роль. Ученые не раз отмечали, что в основе познания человеком мира лежат именно пространственная перцепция и соответствующие значения, на базе которых позже развилось и осознание других типов отношений предметов окружающей человека действительности. «Одна из наиболее фундаментальных областей в познании мира – категоризация пространства», – отмечает Е.С. Кубрякова [4, с. 22]. Постепенное осмысление своего места в физическом мире, изучение и измерение различных параметров пространства позволили человеку максимально адаптироваться в окружающей его среде и организовать свою биологическую и социальную жизнь.

Сравнивая научную и языковую картины мира, Ю. Н. Караулов отмечает, что обе они складываются из элементов знаний, но научная картина содержит систематизированные элементы научных знаний, образующих логически упорядоченную структуру, представляющую последовательно и детерминированно весь микрокосм и макрокосм нашего мира. В языковой картине мира заложены единицы знания о мире, включающие в себя как научные термины и понятия, так и целый набор единиц, отражающих способ восприятия мира человеком (они́мы, афоризмы, фразеологические единицы, фреймы типовых ситуаций, пословицы и поговорки, крылатые слова, метафоры, прецедентные тексты культуры, прототипические образы национальной культуры,

устойчивые оценки фактов, явлений, событий по шкале «хорошо – плохо» или «добро – зло» и др.). «Совокупность этих элементов не образует последовательной, стремящейся к завершенности картины мира. Скорее наоборот, они складываются в мозаичную, фрагментарно заполняемую, принципиально незавершенную, а подчас и противоречивую языковую картину мира, сильно окрашенную национальным колоритом». Важным ее отличием от научной картины мира является то, что «центром языковой картины мира, точкой отсчета и мериллом для всех ее составляющих служит человек, тогда как в научной картине мира человек занимает ничем не выделяющееся место где-то между, с одной стороны, элементарными частицами, а с другой – общей структурой мироздания. Кроме того, если научная картина мира претендует на полное, без разрывов и пробелов, отражение реальности, то языковая картина мира всегда остается лакунарной и непоследовательной» [3, с. 128 – 129].

Так как «языковая картина мира представляет собой статичное, относительно стабильное непersonальное образование, в основных своих позициях стандартное для всех носителей данного языка и культуры и мало изменяющееся в пределах жизни двух-трех поколений» (Там же, с. 129), то пространственный фрагмент может быть описан на определенном этапе развития языка довольно полно.

А. Николова пишет: «Развитие человеческого познания постепенно привело людей от наглядно-чувственного восприятия пространства к более абстрактному и умозрительному представлению. Появилось обобщающее понятие пространства, представление о его непрерывности/прерывности, абсолютном или относительном характере, конечности/бесконечности, протяженности, трехмерности, размерности, геометрической и топологической разновидности, стали различать физическое, географическое, космическое и т.д. пространства» [6, с. 5]. При этом в основе человеческих представлений о пространстве, на наш взгляд, лежала и по-прежнему лежит локальность – определение места нахождения объекта, протекания события, процесса. Данная семантика играет роль важнейшей субкатегории по отношению к категории пространства. Так, при экстраполировании пространственных представлений в различные сферы деятельности человека превалирует именно семантика локальности, лексическая и/или грамматическая,

например: *в тишине, в сумерках, во мраке, на ветру* (при совмещении состояния и места), *на уроке, на экзамене, в отпуске, в поездке, в полёте* (при обозначении места наименованиями мероприятий, характеризующихся временной протяжённостью), *в тепле, на морозе, в тумане, на солнцепёке* (при совмещении значений места и состояния), *в сушилке, в раздевалке, на выставке, в спальне* (при совмещении значений места и действия), *в логове, в дыре, в трущобах* (при метафоризации значения места с появлением коннотативного компонента), *на пятачке, в воронке, в кольце, на кругу* (при когнитивной метафоризации по форме), *в мыслях, в душе, в сознании* (при характеристике умозрительной области) и др.

Локальность выступает в русской лингвокультуре как ценностно-значимая категория, тесно связанная с другими категориями, такими, как темпоральность, каузальность, модальность и пр.

Остановимся прежде всего на связи локальности и темпоральности. Как время состоит из «теперь», «потом» и «раньше», вырастающих из опыта нашего существования, погруженного в мир, точно так же, согласно метафизической точке зрения, из этого опыта появляются «здесь» и «там», «выше» и «ниже», «слева» и «справа», которых в самом по себе мире нет.

В философии пространство, наряду со временем, рассматривается как основная форма существования материи, подчеркивается их объективный характер, отрицается вневременная, внепространственная реальность. «В своем единстве пространство и время составляют объективную универсальную структуру материального мира, лежащую в основе системной организации и закономерного порядка бесконечного многообразия бытия», – пишет В.Б. Кучевский [5, с. 93]. В этом проявляются их универсальность, всеобщность, взаимопроницаемость, отсюда вытекает семантическая близость соответствующих понятиям пространства и времени языковых категорий (ср. одно и то же слово в локальном и темпоральном значениях: *Я останусь на ночлег здесь. – Здесь я прерву свои рассуждения; Отец оставил вещи там. – Пока поработаю, а там видно будет; Владимир поехал туда, где был в прошлом году. – Я мысленно переносился туда, в то далекое время; Отойди оттуда. – Оттуда, из глубины веков, пришли к нам народные сказки; Куда он переехал? – Куда, в какое столетие, вы бы хотели отправиться на машине времени?).*

Налицо тесная связь и взаимодействие двух категорий. Время сопровождает развертывание в пространстве ситуаций, событий, процессов в их взаимоотношениях: ситуации вступают в различные взаимосвязи, события сменяют одно другое, как бы вклиниваются друг в друга, временные планы являются их фоном, существуют параллельно.

Время является неотъемлемым компонентом всех типов локальной ситуации, т.к. действие, движение, состояние, бытийность, каузация положения в пространстве и т.д. протекают во времени. «Временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе», – читаем у В.В. Виноградова [1, с. 538]. Однако ведущим компонентом семантических моделей остается при этом локальность, а время часто выступает как скрытая категория.

Связь пространственной локализации с темпоральной ярко проявляется в полиситуативных сообщениях, в которых объединяются события синхронные или относящиеся к разным временным планам. Ср.: *Когда опять сели, Петр увидел Шакловитого: он на коленях стоял в шаге от них, кудрявая голова уронена, дорогой кафтан – в нем его взяли во дворце – порван под мышками, рубаха в пятнах* (А.Н. Толстой); *В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря и край желтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости* (А. Грин).

В полиситуативных сообщениях пространственная локализация может обозначаться с помощью дейктических слов *там, туда* и сочетаний существительных *место, сторона*, имеющих локальную семантику, с местоимением *то*. При этом события, происходящие в одно или разное время, объединяются локусом. Ср.: *Там, где русло дороги раздваивалось на рукава и один рукав скатывался к воротам, она остановилась* (Федин); *Григорий подъехал к тому месту, где сутки назад переезжал по льду* (Шолохов). Таким образом, в подобных конструкциях на поверхностный уровень выводится как локальный компонент, так и развернутое описание событий, связанных с темпоральностью.

Связь темпоральности и локальности можно обнаружить и в наивной картине мира носителей русского языка. В качестве примеров можно привести высказывания типа *Я приеду где-то около пяти, Жди меня в районе две-*

надцати, армейскую шутку *Копай отсюда и до обеда*.

Нельзя не обратить внимание на связь семантики локальности и с другими смыслами, ярко проявляющуюся на синтаксическом уровне.

В качестве основных характеристик событий, связанных с локальностью, можно выделить следующие:

- каузация движения и локализации в пространстве: *Ключ привез нам в Ленинград знакомый лесник из этих мест* (Козлов); *Василиса сама вынесла одежку на крыльцо* (Распутин);

- бытийность с указанием на место: *Их было двое на корме* (Пушкин); *В саду были голые деревья* (Бунин);

- локализация состояния окружающей среды, помещения (квалитативный признак): *В комнате было тепло, чисто, по-домашнему уютно* (Завадская); *В лесу стало тихо* (Солоухин);

- оценка места события (квалитативно-аксиологический признак): *В притихшем доме сумрак, скучно, на потолке спят мухи; Ах, славно было среди этой тишины и простора!* (Бунин);

- локализация состояния субъекта: *Даже весело то, что в вагоне так много народу, так тесно и шумно* (Бунин); *Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии, в родовой отчине своей...* (Аксаков);

- локализация зрительного, слухового восприятия субъекта: *На равнине совершенно явно виднелась каждая снежинка* (Короленко); *Из землянки вырвался неясный говор – желтая полоса света упала на кусты, легкие шаги послышались в четырех метрах от Новикова* (Бондарев);

- локализация речевого общения субъектов: *Мой старик в кухне стал разговаривать со своей старухой* (Искандер); *И в помещении они договорились* (Бабель);

- локализация отношений между субъектами: *Любавиных в деревне не любили* (Шукшин); *Смеяться будут над ним в штабе экспедиции* (Воронин);

- модальность с указанием на место: *Он может никуда не ходить, никого к себе не приглашать* (Астафьев); *В ту пору он еще не понимал, что на войне никто не может обойти, замедлить или перехитрить судьбу* (Бондарев);

- наличие/отсутствие объектов в определенном месте: *И больше ни души не было видно ни в поселке, ни на горе* (Чехов); *В передней никого не было* (Л. Толстой);

- количественная характеристика объектов в определенном месте: *Мальчики сидели вокруг их; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть* (Тургенев); *Как выяснилось, нас не так-то уже и много во всей стране* (Воронин);

- фазисная характеристика событий, действий, происходящих в определенном месте. Ср.: *На Байкале началось лето* (Астафьев); *В деревне Пушкин продолжил работу над поэмой* (Лотман).

Таким образом, семантика локальности может сопровождать различные логико-синтаксические типы предложения. При этом наблюдается логическое выделение различных компонентов: для каждого из высказываний специфичен свой «фокус актуализации». Так, актуализируются, кроме компонента локальности, показатель бытия (*Мест в гостинице не было*); предмет бытия (*В гавани – яхты*); событие (*В Сочи сильное наводнение*), характеристики через состояние или признак (*В комнате, против обыкновения, тишина и порядок*); качественное определение имен (*В озере Байкал необычайной синевы вода*) и т.д. [2, с. 163].

Категория локальности является составной частью аксиологии русской культуры. Данный факт проявляется уже в наивной картине мира носителей языка. Например: *Еще недавно такие бабки имел, а теперь сижу вот тут в траншее!* (реплика рабочего, копающего ров для ремонта коммуникаций). Траншея как место работы в понимании представителя русской лингвокультуры – показатель низкого социального статуса, бедности, а значит, заслуживающее невысокой оценки.

Разноречивую оценку, причиной которой стало именно место события, вызвало открытие в поселке Беседино Курской области одного из крупнейших кладбищ солдат Вермахта, нашедших последний приют в русской земле: *К строительству мемориала гитлеровским солдатам местные жители поначалу отнеслись неоднозначно. Но немцы не раз повторяли селянам, что солдатские могилы для них – символ примирения. Местная жительница: «Хоть они наши оккупанты, но они люди. Их тоже заставляли». Анатолий Щербаков, ветеран Великой Отечественной войны: «Я ходил, у меня слезы текли от обиды за нашу страну, честное слово. Я вспомнил, что у нас еще до сих пор никак не могут выкопать останки многих солдат. Да и неизвестно, где они похоронены».*

Врач Курт Фридрих-Каснер на могилу своего дяди привез икону Богородицы, ореховый шнапс и кусок мрамора из старой каменоломни. Рассказывает: «Дядя Конрад был каменщиком, и, если бы не война, еще бы жил. Я счастлив, что нашел свою новую родину на русской земле. И мы живем с Россией в мире. Это лучшее, что может быть». (Расшифровка репортажа программы «Сегодня» на канале НТВ 17 октября 2009 г.).

«Если близкие далеко...» – это слоган одного из мобильных операторов в г. Рязани. Антонимичные локальные семы при непосредственном контакте создают резкий контраст, привлекающий внимание и требующий оценки. Придаточная условная часть при эллипсисе главной подсказывает необходимость мысленного восстановления последней примерно так: *то от этого грустно, это неудобно, некомфортно, и надо им позвонить, чтобы, пусть на непродолжительное время, оказаться рядом.*

Местонахождение нередко является фактором оценки качества жизни. Именно этим обстоятельством, по-видимому, руководствовались создатели рекламного баннера, на котором под изображением коттеджного посёлка написано: *Городской комфорт загородной жизни.*

Таким образом, категория локальности выступает в качестве важнейшей в русской языковой картине мира. Она теснейшим образом связана с темпоральностью и другими функционально-семантическими категориями. Кроме того, локальность, благодаря важному месту в сознании носителей языка, входит в структуру аксиологии русской лингвокультуры.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
2. Всеволодова М.Ю., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: Рус. яз., 1982.
3. Караулов Ю.Н. Языковое сознание как процесс. Теоретические предпосылки одного эксперимента // Юбилейный сборник, посвящённый 70-летию проф. И. Червенкова. София: Слово, 2001. С. 127 – 135.
4. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка // СЛЯ. 1997. Т. 56, № 3. С. 22–31.
5. Кучевский В.Б. Философское учение о бытии и субстанции. М., 1993.

6. Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание. М., 2009 (URL : www.russian.slavica.org/article113.html).

Locality category in Russian linguistic world picture

There is researched the locality category involvement into the Russian linguistic culture, considered the different methods of the given semantics actualization with the use of broad language material, revealed the connection of locality category with other functional and semantic categories. There is the conclusion made about the place of locality category in Russian linguistic world picture.

Key words: *category, locality, Russian, linguistic world picture, linguistic culture.*

Г.П. ЗАХАРОВА
(Самара)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ РЕЧЕВОГО АКТА ПОДДЕРЖКИ

Приводится анализ речевого акта поддержки и его разновидностей. Показаны типы коммуникативных ситуаций, в которых отражены данный речевой акт, структура ситуаций, особенности языковой реализации интенции поддержки.

Ключевые слова: *речевой акт, интенция, поддержка, коммуникативная ситуация, языковые средства.*

Под речевыми актами в современной лингвистике понимаются типы речевых действий, отвечающие нормам речевого поведения определенного социума. Целостная и развита теория речевых актов сложилась в рамках лингвистической философии под влиянием идей Л. Витгенштейна о множественности назначений языка и их неотделимости от форм жизни. Ядро теории речевых актов составляют идеи, изложенные английским логиком Дж. Остином [1], впоследствии развитые Дж. Серлем [2].